

Л.В. Шуринова (Санкт-Петербург, Россия)

О русском тайнобрачии (Корнеев А.В. «Счастье будет зависеть от нее...» Судьба дочери и зятя Пушкина. М.: Вече, 2023. 320 с.)

L.V. Shurinova (St. Petersburg, Russia)

About Russian Clandestine Marriage (Korneev A.V. “Happiness Will Depend on Her...” The Fate of Pushkin’s Daughter and Son-in-Law. Moscow: Veche, 2023. 320 p.)

Роль и место Пушкина в русской культуре давно определено, и, как можно было бы предположить, прошло время острых споров об обстоятельствах его личной жизни, – споров, участие в которых принимали не только историки русской литературы, пушкинисты. Поэты и писатели добавили эмоциональности в их обсуждение, по-своему интерпретируя семейную жизнь Пушкина, вынося приговоры одним, оправдывая других. И сейчас продолжается «охота» за ранее неизвестными архивными материалами, по-новому трактуются давно находящиеся в научном обороте документы. Разрушаются репутации тех современников поэта, которые прежде были вознесены на пьедестал, а «недрузи» вдруг предстают в совершенно ином свете. И Пушкин в этом смысле не одинок. Один за другим появляются материалы, где предметом обсуждения становятся повседневная жизнь, бытовые привычки, сложности внутрисемейных отношений и грандов русской литературы, и авторов мало известных современному читателю.

Надо сказать, что такой интерес появился не вчера. Альтернатива хрестоматийной версии жизни классика всегда была востребована читателями. Потому так интересны были издания, включающие личные документы (дневник, частная переписка, записные книжки и т. д.), и, конечно, разные вариации жанра ЖЗЛ, обращаясь к которым заранее принимаешь условия игры: перед тобой пусть и документальная в своей основе, но все-таки «художественная» проза, отражающая симпатии и антипатии пишущего. Рискнем предположить, что от такого «субъективизма» несвободны и профессиональные историки. Не осуждения ради: не будь этого личного отношения, не состоится, не будет интересен ни научный труд, ни беллетризованная история жизни и творчества.

Начиная с «ядра», и пушкинисты, и лермонтоведы, и толстоведы, и дostoевсковеды, особенно те, кто не ограничен строгими рамками научно-исследовательской деятельности, как правило, постепенно перемещаются на периферию, включая в круг интересующих их тем судьбы жен, мужей, детей и внуков. Много ли это даст

для понимания личности самого предмета изучения – классика? Профессиональным историкам, возможно, и ничего не даст, но все-таки сочинения такого рода авторы пишут не только для того, чтобы убедить в собственной правоте коллег или соперников в избранной ими области, а для нужд «широкого читателя», иначе форма подачи материала была бы иной: научная статья с определением цели исследования, методики, новизны и пр.

Открывая новую книгу, где с большей или меньшей степенью страстности автор намеревается убедить нас в собственной правоте, читатель не потирает руки в надежде отыскать ошибку в датировке, неверную атрибуцию источника и прочие «ляпы». Вряд ли его заинтересует выяснение отношений между авторами, предлагающими каждый свою трактовку тех или иных событий, оценку личных качеств участвующих в этих событиях лиц. Для него это не погружение в мир сухих научных фактов, а существование в пространстве истории, когда из прошлого нити судеб тянутся в настоящее, и перед ним открывается не классическое наследие, расставленное на книжных полках в порядке алфавита, а живой мир, который, как выясняется, имеет немало точек соприкосновения с нашей повседневной жизнью. Не стоит свысока смотреть на сериальные издания, построенные по тематическому принципу, где жизнь великого писателя и его потомков представлена в определенном ракурсе. Такое «оживление» портретов наших классиков им точно не повредит, разве что приблизит нас к ним.

Вышедшая в издательстве «Вече» (2023) в серии «Любовные драмы» книга А.В. Корнеева «“Счастье будет зависеть от нее...” Судьба дочери и зятя Пушкина» возвращает нас к давнему спору о взаимоотношениях дочери А.С. Пушкина Натальи – Таши и М.Л. Дубельта, сына Л.В. Дубельта, имевшего в отечественной литературе недобрую славу. В наше время отношение к Дубельтам (и к отцу, и к сыну) усложнилось, как и в целом к дореволюционной России. В случае с отцом можно сослаться на изменившуюся политическую ситуацию, позволившую уйти от упрощенных характеристик: начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и управляющий III Отделением Собственной его императорского величества канцелярии не может быть «преприятным человеком» (Достоевский), да и вообще человеком быть не может. С Дубельтом-сыном – «обидчиком» одного из членов семьи великого поэта – потомки обошлись так же строго, но появляющиеся время от времени реабилитирующие мужа дочери Пушкина материалы заставляют задуматься вот о чем. При всей строгости приговоров со стороны общественного мнения, есть у нас одна особая черта – возвращаться к прежде утвержденному приговору, даже если вынесен он «судом истории», и предпринимать новые и новые попытки установить истину.

А.В. Корнеев, предпринявший собственное расследование, в работе опирается на архивные документы, но, как представляется, движет им стремление восстановить в первую очередь справедливость человеческую. Много внимания уделяется отцу М. Дубельта (глава «Родители»), на счет которого, как выясняется, были не только дурные, но и добрые дела. В частности, участие Л.В. Дубельта в издании посмертного собрания сочинений Н.В. Гоголя. Есть сведения и о матери героя – А.Н. Перской, рачительной помещице и переводчице с английского языка (в том числе американской прозы; написала опубликованную в «Библиотеке для чтения» статью о В. Ирвинге), которым она прекрасно владела, что неудивительно: нередко юная Перская гостила в доме дяди, Н.С. Мордвинова, известного всему Петербургу англомана. И для сыновей своих, родившихся в браке с Л.В. Дубельтом,

Николая и Михаила, она создала дома все условия для получения образования, занималась с ними сама и приглашала учителей. Оба сына после окончания Пажеского корпуса были приняты в Кавалергардский полк. И Михаил, хотя и был склонен к разного рода проказам, обычным, впрочем, для гвардейских офицеров, успешно делал карьеру до поры до времени. Вспыльчивость молодого человека, его обидчивость привели к тому, что он по собственному желанию перевелся из гвардии в Отдельный Кавказский корпус; участвовал в сражениях, в штурме Турчидага, был ранен. Вернувшись же в Петербург в 1852 г. в чине подполковника, влюбился в юную дочь Пушкина и предложил ей руку и сердце перед возвращением на Кавказ.

Если исходить из сообщенных в книге сведений о жизни М. Дубельта до брака, нет оснований подозревать в нем порочную натуру, которая якобы в полной мере проявилась в семейных отношениях. Хотя, как понятно по переписке родителей, хлопот с ним было больше, чем со старшим сыном, Николаем, который, в отличие от брата, был хладнокровен и рассудителен.

Переходя к характеристике будущей супруги М. Дубельта, автор, указав на отсутствие сведений о детстве Таши, подробно останавливается на ее «романе» с Николаем Орловым, а попутно достаточно подробно рассказывает о старшей дочери Пушкина Марии Александровне, в замужестве Гартунг. Следует отметить, что в книге нередко встречаются такие «вставные новеллы» (в главах, посвященных добрачному периоду жизни Дубельта, это, например, рассказ о К.П. Колзакове), которые отчасти нарушают цельность повествования, но, вероятно, автор пошел по этому пути, чтобы восполнить «пустоты» (ввиду отсутствия архивных свидетельств?) в описании характеров главных героев этой истории.

В текст книги включены письма матери М. Дубельта, свидетельствующие о том, что родители жениха, хотя и имели опасения, к планам сына отнеслись благосклонно. Н.Н. Ланская-Пушкина, конечно же, беспокоилась о дочери, понимая, как сложно, «едва переступив порог юности», взять на себя «серьезные обязанности» (дочери было 16 лет), но она надеялась на мудрость будущего зятя, который, как пишет она в письме П.А. Вяземскому, «бурно отжил первую молодость», и теперь его жизненный опыт будет «руководствовать их обоим».

Автором книги проводится параллель в судьбах двух семейных пар: Пушкина и его красавицы жены – и их дочери, не уступающей, если верить современникам, в красоте матери, и М. Дубельта, всегда занятого служебными делами, нередко жестоко страдающего от полученного на Кавказе ранения. И как после трагической гибели Пушкина была допущена несправедливость в отношении жены поэта, в которой публика видела главного виновника трагической гибели поэта, так и Дубельт был «назначен» ответственным за скандальный развод.

Судя по приведенным В.А. Корнеевым документам, ангелом Дубельт, конечно, не был, хотя «грехи» были обычны для людей его круга и воспитания: карточные долги, жизнь не по средствам... В той же мере, вероятно, «виновна» была и его молодая жена, и сейчас, даже вооружившись письмами и хранящимся в архиве делом о разводе этой пары, можно увериться только в том, что семейная их жизнь не задалась, и была тому масса причин, в числе которых и «горячие» характеры обоих супругов, и, вероятно, неумение понять друг друга. Согласиться же с автором в том, что движима была Наталья Александровна исключительно меркантильными соображениями будет готов тот, кто «примерит» жизненную ситуацию М. Дубельта на себя и увидит в нем родственную душу. Другие же, напро-

тив, сочтут, что муж не оправдал надежд, возлагаемых на него родственниками жены, увидевшими в нем не влюбленного молодого (по нашим меркам) человека, а «воспитателя» юной Таши.

Печально, что один из последних автографов Н.Н. Пушкиной-Ланской представлял собой ответы на «вопросные пункты» по делу о разводе дочери, и надо признать, что заняла она мудрую позицию: не вмешивалась на официальном уровне в отношения дочери и зятя. Вывод же, который можно сделать, прочитав приведенные В.А. Корнеевым письма и официальные документы, в определенном смысле банален: процедура и условия развода тех времен были унижительны для обеих сторон, вынужденных прибегать к «низким» средствам (обману, самоговору, привлечению подкупленных «свидетелей») ради обретения свободы или чувства собственного достоинства. Документальная история развода, представленная в книге, – хорошая иллюстрация к текстам художественной литературы (романа «Анна Каренина» прежде всего), поэтому стоит погрузиться в архивные дебри, чтобы понятнее стали невыдуманные сложности, с которыми сталкивались герои «выдуманных» историй. В том числе, и той, о которой сообщает А.В. Корнеев в последней главе книги, – «Романе дочери Пушкина, написанном ею самой», извлеченном из семейного архива правнучки Натальи Александровны Меренберг, графини Клотильды фон Ринтелен, уже в XXI в.

В случае с книгами «синтетического» формата, где споры архивного характера представлены на фоне житейской истории, пусть и произошедшей более двухсот лет тому назад в семействе, где встретились наследники громких фамилий – Пушкины и Дубельты, всегда будут возникать сложности в определении адресата. Автора больше беспокоит «документальная» сторона рассматриваемого дела – и ему будут интересны отклики «собратьев по перу». Обыкновенного читателя привлечет аспект человеческих отношений, воспринимаемых им в контексте истории, но спроецированных на сегодняшнюю жизнь. Но и сама по себе история жизни М.Л. Дубельта и интересна, и поучительна, как и более или менее развернутые отступления от основной линии «сюжета», в которых речь идет о дальних родственниках и знакомых М.Л. Дубельта, так как все вместе воспринимается как своего рода очерк нравов русского дворянства послепушкинской поры, чем-то напоминающий «Русское тайнобрачие» Лескова.

Сведения об авторе:

Лариса Викторовна Шуринова,
доцент

Российский государственный институт
сценических искусств

Факультет актерского искусства и
режиссуры

Larisa V. Shurinova,
Associate Professor

Russian State Institute of Performing Arts

Acting and Directing Faculty